

Шестов Л. Поэзия и проза Ф. Сологуба filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Шестов Лев Поэзия и проза Федора Сологуба.

Кому-то дымный ладан
Он жжет, угрюм и строг,
Но миром не разгадан
Его суровый бог.
Федор Сологуб

Сократ сравнивал поэтов с оракулами. Откуда-то они добывают истину, но ни сами они не понимают значения своих истин, и не умеют их объяснить другим. Сократ остановился на этом в своем сравнении поэтов с оракулами и, может быть, говоря вообще, он был прав: может быть, на этом кончается сходство поэтов с оракулами. Но иной раз берет соблазн – хочется продолжить сравнение. Правда, поэт – поэту рознь, и что можно сказать о Пушкине, того не применишь к Лермонтову и, тем менее, к кому-либо из современных поэтов. И наоборот, особенности и отличительные черты современного поэта так своеобразны, что иной раз кажется, что нельзя и Пушкина и, скажем, Федора Сологуба отнести под общим названием поэта к одному и тому же разряду людей. Если Пушкин поэт, то, стало быть, Сологуб что-то другое, лучшее или худшее – все равно, – но иной породы. Я, конечно, не хочу здесь поднимать вопроса о правах на почетное звание поэта, умалять достоинства современников и прославлять заслугу стариков. Но факт остается фактом: мы живем и творим по-иному, до такой степени по-иному, что если бы случилось Сологубу родиться таким, как он сейчас, на 80-100 лет раньше, – никто бы не стал слушать его, разве потехи и забавы ради.

Мы плененные звери,
Голосим, как умеем...

Пушкин бы хохотал над этими стихами. Поэт не жертвы Аполлону приносит, а голосит, как дикий зверь: какой отвратительный, бессмысленный образ. Или еще

Просыпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, войте, лайте
На луну.

Ясно: Пушкин не согласился бы назвать Федора Сологуба собратом. Пушкину тоже не были чужды тягостные и мучительные настроения:

Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминания безмолвно предо мной
Свой длинный развивают свиток:
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Какая разница в характере образов, подбираемых Пушкиным и Сологубом! Пушкин жалуется, льет слезы, и кажется, что с жалобами и слезами уходят куда-то прошлые грехи и падения, и бледнеют огненные буквы укоров на развернутом воспоминанием свитке. Сологуб не жалуется, не плачет. Нет у него дара слез. Воспаленные глаза сухи: ни одной капли влаги. Он не может уже жаловаться: некому; он – бессмысленно воет. Это – в стихах. В прозе – и того хуже. Его "Мелкий бес", который, по непонятному капризу судьбы, – *habent sua fata libelli*[1 – имеют свою судьбу книги (лат.)] – встретил такой неожиданно радушный прием у большой публики, – хуже, чем животный крик. На пространстве всего длинного романа "Мелкого беса" учитель Передонов проделывает непрерывный ряд таких отвратительных и тупых гнусностей, что даже у современного читателя, привыкшего к самому крайнему проявлению

Шестов Л. Поэзия и проза Ф. Сологуба filosoff.org
бесшабашного реализма, голова начинает кругом идти. Чувствуется, что из романа отделяются одуряющие пары, и что именно в том задача автора, чтобы одурманить и себя, и читателя этими парами... И не только в "Мелком бесе". Что бы вы ни взяли из прозаических произведений Сологуба - "Навьи чары", "Жало смерти" или что иное, - везде повторяется одно и то же, везде одуряющие вас и автора пары. Правда, некоторые вещи, особенно из последних, написанных после того, когда Сологуб внезапно стал знаменитостью, носят чуть-чуть иной характер. В "Навьи чарах" Сологуб словно намекает читателю, что у него есть про запас кое-что получше, чем одуряющие пары.

Но - не знаю, как другие на это реагировали - у меня осталось впечатление, что все эти намеки только долг славе и духу времени, нечто наносное, самому Сологубу так же мало нужное, как и тем его читателям, которые умеют отделять выдумку от действительности. Сологуб не маг и не колдун, хотя бы он сто раз намекал на то, что завтра он совершит великие чудеса. Да кому нужны теперь маги и чародеи? Даже от пророков люди теперь бегут, ибо не от них ждут ответов на свои запросы. Сологуб сам знает это; вероятно, потому у него редко встречаются литературные опыты, вроде "Навьи чар", а прежде даже и никогда не встречались. "Сгорает жизнь, пламеня, истончаясь легким дымом, - сжигаем жизнь, чтобы создать книгу". Вот источник творчества Сологуба. Может быть, "сжигаем жизнь" не совсем адекватное выражение для, тех внутренних и внешних событий, которые полагают начало и дают материал творчеству нашего поэта. Он слишком мало напоминает своим обликом героического Муция Сцевола, положившего руку на костер и твердым голосом произнесшего прямо в лицо пленившего его царя свои гордые слова. "Проходят долгие, тягостные дни и годы, и все медлишь и торопишься заканчивать творение, возникающее *l'entement, lentement, comme le soleil*", - пишет он сам. Медленное, тягучее, бесконечно длинное сжигание - редко оно бывает самосжиганием. Человек еще способен броситься на меч или в огонь, но годами истязать себя добровольной пыткой, едва ли на такое дело, по крайней мере, в наше время, в цивилизованной Европе добровольно пойдет кто-нибудь. И, пожалуй, наиболее любопытно и замечательно в истории жизни и творчества Сологуба - это именно то обстоятельство, что его пытка уготовлена не им самим, а природой, той природой, которая все создала - и радости, и горе, и разум, и безумие, и самого человека, и всю вселенную. Пока думаешь, что Сологуб сам затеял свои опыты, на свой страх и риск играя жизнью, все сомневаешься, прав ли он в своих начинаниях. Он человек и только человек: стало быть, легко может ошибиться. Там, где он надеялся найти многое, может быть, на самом деле ничего нет. Может быть, одуряющие пары, исходящие от безобразных дел Передонова, именно потому так отвратительны, что они - от руки немощного и ограниченного человека. Но как только является мысль, что не Сологуб выбрал себе жизненный путь, что этот путь был предназначен ему самой Матерью Природой, единственным источником всего, как малого, так и великого на земле, является неудержимая потребность ближе подойти к этому странному и отталкивающему зрелищу. Не Сологуб сжигает жизнь свою, не от своевольного бесчинства человека этот легкий, как он выражается, на самом деле, тяжелый и невыносимо удушливый дым - Сологуб, может быть, избрал бы себе более приятный и менее тернистый путь. Но за Сологубом стоит вечная, таинственная сила - рок, судьба, называйте как хотите. И ее веления исполняет человек, и человек этот становится для нас как бы иным, чем все другие. Он - избранник: ему приходится делать то, чего другие страшатся, от чего все бегут. И он на высоте своей задачи: он покoren высшей воле:

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.

А ведь есть, были и будут приговоренные к смерти, есть, были и будут палачи. И если ужасна судьба осужденных, то ведь нелегка участь и палачей, исполнителей смертных приговоров. Недаром говорит Толстой, что если бы те, которые приговаривают к смерти, обязаны были сами приводить в исполнение свои приговоры, - давно бы уже смертная казнь была отменена. Но этого нет. Жертва гибнет, палач, послушный чужой воле, осужден на вечные муки самоистязания, ничем не оправдываемые и необъяснимые. И с таким палачом, не воображаемым свирепым чудовищем, какие рисуются на лубочных картинках, и не с таким, какие бывают теперь у нас, где палач большею частью выбирается случайно и оказывается первым попавшимся пьяным забулдыгой, а с профессиональным нюрнбергским палачом, женатым на дочери палача же, с наследственным бременем божьего проклятия, человеческой ненависти и вечных укоров собственной совести сравнивает себя Сологуб:

Стенания и слезы -
Палач, везде палач, -
О, скучный плеск березы!
О, скучный детский плач.

Рядом с "Нюрнбергским палачом" помещено стихотворени "Собака седого короля". Сологубу снится, что он был когда-то собакой. "Собачья жизнь", - говорят, когда хотят говорить о самой ужасной жизни. Но когда удел собаки - собачья жизнь, это в порядке вещей. А вот Сологуб рассказывает про свою собачью жизнь:

Удел безмерно грустный
Собакам бедным дан, -
И запах самый вкусный
Исчезнет, как обман.
Ну, вот живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.

Так сгорает жизнь Сологуба: Передонов, нюрнбергский палач, собака, воющая на луну, собака, потерявшая чутье, - никто из наших писателей не создавал себе такой тяжелой, мрачной, удушливой атмосферы. И вот спрашивается: для чего это? Для чего было судьбе бросить живого человека в это страшное, наполненное ядовитыми парами подземелье, так странно напоминающее знаменитую, прославленную учебниками географии собачью пещеру близ Неаполя? Опять вспоминается Сократ и его сравнение поэта с оракулом. Ведь Пифия тоже для того, чтобы пророчествовать, нуждалась в своем треножнике и одуряющих парах. Не здесь ли разгадка? Древние сами ставили себя в те условия, в которые наши современники попадают по воле судьбы. Где взять истину? Или если не истину, то хотя бы мудрость? Хотя бы поэзию! Не станет современный человек садиться на треножник и вдыхать одуряющие пары. А если бы и попробовал, то, вероятно, из этого ничего бы не вышло. То есть одуреть - он бы одурел, нужно полагать, - но не сказал бы ни одного слова или сказал бы совсем не то, что нужно, какую-нибудь глупость или пошлость, только по внешнему виду напоминающую пророческое предсказание. У нас, к слову сказать, многие занимаются этим почтенным делом - повторяют ритуалы древних мистерий, воображая, что те приемы, которые когда-то давали людям состояние вдохновенного экстаза, суть приемы an und für sich, годные для всех стран, времен и народов. Для кого Пифия служит образцом, и он садится на треножник, кто выбирает более удобные и менее непривычные для современного глаза образцы древности и средневековья. Вспоминают забытые слова и обряды таинства - кто во что горазд. И воображают, что, загримировавшись под древних пророков и гадателей, они делают все, что нужно, чтобы подойти к вечной мировой загадке. Конечно, это заблуждение. Подобно тому, как вы не станете певцом оттого, что будете носить такой же плащ, какой носил Тамберлик, или причисываться, как Карузо, так точно вы не станете пророком, если закажете себе самый лучший треножник или самую настоящую власяницу. Но у Сологуба не внешнее, а внутреннее сходство с древними оракулами. Я уверен, что если бы он захотел "объяснить" себя - это ему не удалось бы. Он говорит многое, глубокое, важное, значительное. Но Сократ признал бы, что он не понимает того, что говорит. Да и говорит ли он? В стихах безусловно не говорит: поёт. Я не знаю никого среди современных русских поэтов, чьи стихи были бы ближе к музыке, чем стихи Сологуба. Даже тогда, когда он рассказывает самые ужасные вещи - про палача, про воющую собаку - стихи его полны таинственной и захватывающей мелодии. Как можно петь про собачий вой, как можно воспевать палача? Не знаю, это тайна Сологуба, даже, может быть, не самого Сологуба, а его странной музыки, которой он никогда не видел и о которой он не мог бы ничего рассказать. Он живет, он медленно сгорает и поет что-то, когда мучительно-безотрадное, когда отраднo-безотрадное, но всегда загадочно прекрасное. Чистой, беспримесной радости нет в поэзии Сологуба. Даже когда он надеется, - он надеется как бы почти против воли, словно желание спастись надеждой на будущее ему кажется недостойным человека:

Во мгле почиет день туманный,
Воздвигся мир вокруг стеной,
И нет пути передо мной
К стране, вотще обетованной.
И только звук, неясный звук

Порой доносится оттуда,
Но в долгом ожиданьи чуда
Забуть ли горечь долгих мук!

Нельзя забыть горечи долгих мук в ожидании отдаленного чуда. Да и вопрос: можно ли их забыть? Может ли человек простить себе, что судьба или природа, ради каких бы то ни было, хотя бы и самых возвышенных целей, обрекла его на унижение Передонова, - бросила живого человека в собачью пещеру? Впереди чудо - чистейшая радость:

Так надо, так надо, -
Мне вещей ваш ворон твердит,
В чертогах небесных отрада, -
За труд и за муки награда,
За боль и за стыд.
Меня бы спросили,
Хочу ли от вас я венца!
Но вашей покорен я силе,
Вы тайно меня победили, И к вам я иду до конца.

Может ли быть где-нибудь награда за стыд? За боль - куда ни шло, но за стыд?! Это не богоборчество, это не желание противопоставить волю свою воле Всемогущего. Здесь есть нечто более глубокое, что терзало и грызло еще Достоевского. Можно покориться Творцу, исполнить Его закон и веления, - но чем смыть обиду и стыд? Есть ли в распоряжении Творца нужное для того средство? Кончается ли с самой смертью стыд? Есть, - говорит Достоевский, - такие обиды и такой позор, которых нельзя забыть и через миллион лет, если бы человека с земли перенесли на какую угодно отдаленную планету. Так это? Нельзя смыть ни жизнью, ни смертью? Где человеку добыть ответ на этот вопрос?! Правда, те, которые, подражая древним прорицателям, восстанавливают обряды изжитых таинств, спокойно и твердо отвечают на этот вопрос, как отвечают и на какие угодно другие вопросы. Но Сологуб далек от этих таинств и верований:

Над безумием шумной столицы В темном небе сияла луна,
И далеких светил вереницы,
Как виденья прекрасного сна.
Но толпа приходила беспечно,
И на звезды никто не глядел,
И союз их, вещающий вечно,
Безответно и праздно горел.
И один лишь скиталец покорный
Подымал к ним глаза от земли,
Но спасти от погибели черной
Их вещанья его не могли.

Не спасут от черной гибели вещие звезды. Что же может спасти? И нужно ли спасенье? Только чертовы качели. Пока держатся веревки, пока не перетрется конопля, летаешь вверх и вниз. Доска скрипит и гнется, черт хрипло хохочет, человек мотается, томится, стараясь отвести "тошный взгляд" от черта, и ждет последнего мгновения:

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах,
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше... ах!

как будто в этом конечная цель Сологуба. Он не ждет и не хочет ни воздаянья, ни награды в ином мире за все, пережитое им здесь:

Я воскресенья не хочу,
И мне совсем не надо рая -
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу.
Я погашу мои светила,
Я затворю уста мои, И в несказанном бытии
Навек забуду все, что было.

В искренности и глубокой убежденности Сологуба не может быть никакого сомнения. Правду он говорит - не нужно ему ни воскресенья, ни рая. Он хочет погасить все свои светила и забыть все, что было в несказанном бытии. В "несказанном бытии"! Значит ли что-нибудь это слово? Случайно ли уронил

Шестов Л. Поэзия и проза Ф. Сологуба filosoff.org

оракул под влиянием одуряющих паров загадочное слово, или таится за ним какой-либо глубокий и таинственный смысл? И если теперь Сологуб говорит, что он не хочет ни воскресенья, ни рая, - можно ли быть уверенным, что он завтра повторит то же самое утверждение, или, быть может, он завтра всей душой устремится именно к воскресенью и к раю и не захочет ничего из прошлого предать забвению? Не знаю, предлагал ли Сологуб себе такой вопрос. Люди вообще редко предлагают себе такие вопросы. Так уж устроена наша душа, что каждый раз, когда мы видим истину, нам кажется, что эта истина единственная и последняя, как Дон-Жуану казалось, что та женщина, которую он в данный момент любит, есть единственная, достойная любви его и действительно им любимая. Он и забыл, что и прежде не раз он любил женщин и клялся им в вечной любви: прежде было не то - не настоящая любовь и не настоящая женщина - только теперь он впервые полюбил. Сологуб не раз менял свои надежды, мечты и желания. И даже теперь он способен помянуть прошлое добрым словом:

Ты ко мне приходила не раз
То в вечерний, то в утренний час.И всегда утешала меня.
Ты мою отгоняла печаль.И вела меня в ясную даль,
Тишиной и мечтой осеня.
И мы шли по широким полям,
И цветы улыбались нам, И, смеясь, лепетала волна,
Что вокруг нас - потерянный рай, Что я светлый и радостный май,
И что ты молодая весна.

Но все же преобладает в Сологубе одна мысль, одно убеждение: он знает, что там, где большинство людей находят свое, для него нет ничего. Жизнь, обыкновенная, прославленная поэтами жизнь, о которой Шиллер говорил *das Leben ist doch schön*, Сологубу представляется румяной и деблой бабищей. Она кажется ему грубой, пошлой, лубочной. Он хочет переделать ее на свой лад - вытравить из нее все яркое, сильное, красочное. У него вкус к тихому, беззвучному, тусклому. Он боится того, что все любят, любит то, чего все боятся. Он моментами напоминает Бодлера, который предпочитал накрашенное и набеленное лицо живому румянцу и любил искусственные цветы.

Конечно, Сологуб не может вполне отделиться от других людей. Обычные житейские дела связывают его многими нитями с ближними. Он ест и пьет, бывает в театрах, на собраниях и на людях, он по внешности такой же человек, как и все прочие: для статистики он обыкновенный экземпляр. Но настоящая его жизнь находится далеко от всех забав и тревог мира.

По тем дорогам, где ходят люди, В часы раздумья не ходи, -
Весь воздух выпьют людские груди, Проснется страх в твоей груди.
Оставь селенья, иди далеко,
Или создай пустынный край, И так безмолвно и одиноко живи, мечтай и умирай.

На людях Сологубу страшно. Оживляется он только в глубоком уединении. Что делает он, когда остается один на один со своим раздумьем? Если бы нормальный человек мог быть невидимым свидетелем внутренних переживаний Сологуба, - он бы пришел в ужас от "дел" его. Ему показалось бы, что Сологуб беспрерывно топчется на одном месте и не живет, а лишь притворяется живущим, что он постоянно умирает в медленной, тягучей, бесконечной бессмысленной агонии:

Жизнью скучной и нелепой Надо медленно мне жить,
Не роптать на рок свирепый И о тайном ворожить.Или еще:
Моя усталость выше гор,
Во рву лежит моя любовь,
И потускневший ищет взор,Где слезы катятся и кровь.
Моя усталость выше гор.
Не для земли ее труды... О, темный взор, о, скучный взор,
О, злые, страшные плоды!

Скучная и нелепая жизнь, скучный, взор, злые, страшные плоды, - как можно жить в этой вечной серости, которой окутал себя поэт, или в которую окутала поэта жизнь? Отчего не вырваться из этой тюрьмы, отчего не пойти к людям, у которых и радости, и вино, и веселье, и, главное, дела, дела, дела, так утешающие и развлекающие, дающие забвение дела? Но Сологуб не выносит "жизни", бабищи румяной и деблой. Он мог бы сказать про себя, вместе с Достоевским, что чувствует себя так, точно с него содрана кожа. Всякое прикосновение извне отзывалось в нем мучительной болью. Один, один исход -

подземелье:

Забыты вино и веселье,
Оставлены латы и меч, -Один он идет в подземелье,
Лампады не хочет зажечь.
И дверь заскрипела протяжно, -
В нее не входили давно.

За дверью и темно, и влажно, Высоко и узко окно.
Глаза привыкают во мраке, -И вот выступают сквозь мглу Какие-то странные
знаки
На сводах, стенах и полу.
Он долго гладит на сплетенье
Непонятых знаков и ждет,
Что взорам его просветленье
Всезрящая смерть принесет.

Какая дивная музыка в этих, как и во всех других стихах Сологуба! И как, с
обычной точки зрения, должны казаться ужасны настроения поэта! Вот оно
истинное неделание - восточное, факирское, непонятное, страшное и чуждое.
Кажется, что нужно вырвать поэта хотя бы насильно, против его воли из его
душного и темного подземелья, показать ему красоту светлого Божьего мира и,
главное, научить его движению. Зачем застыл он в оцепенении, зачем так
упорно стоит он на одном месте?! Куда угодно - направо, налево, вверх, вниз
- но только не на одном месте! Разве возможна жизнь без движения? Разве
движение и жизнь не синонимы? И неужели эти сологубовские переживания есть
начало воспетого им "несказанного бытия"? Нормальный человек все вынесет,
кроме неподвижности, и всем пожертвует, от всего отречется, - от какой
угодно музыки, - лишь бы не быть обреченным на подземное несказанное бытие
Сологуба. А между тем, если вся проза Сологуба передоноовщина, то вся его
поэзия - неподвижное, хотя и страшно напряженное созерцание одной точки.

Я живу в темной пещере,
Я не вижу белых ночей,
В моей надежде, в моей вере,Нет сиянья, нет лучей.
Ход к пещере никем не виден,
И не то ль защита от мечей!Вход в пещеру чуть виден, И предо мною горит
свеча.В моей пещере тесно и сыро,И нечем ее согреть.Далекий от земного
мира,
Я должен здесь умереть.

Зачем все это? Ответа нет. Такова моя жизнь, - упорно и неизменно твердит
Сологуб. Вы не признаете и бежите меня, - я не признаю и бегу вас. И на суд
с вами к какому бы ни было вечному Судье, который бы решил наш спор, не
пойду. Мне все равно, что он скажет: если он и признает вашу правоту, я не
уступлю. Если он станет на мою сторону, - я не обрадуюсь. Да ведь и вы не
уступите, если он признает мое превосходство? Можете ли вы, поклонники
бабищи румяной и дебелиой, полюбить мою жизнь, серую, тусклую, призрачную?
Да я и не иду к вам с проповедью, никого не зову за собой. В вечном
движении времен и миров нет законов, нет судей: всяк сам себе судья и
закон. Сологуб обводит себя магическим кругом, в котором он замыкается от
всего внешнего, навязанного...

Обыкновенный человек, читая Сологуба, доходит порой до бешенства. Одурающие
пары и затем загадочная неподвижность: как мог Аполлон благословить такое
творчество? Еще проза - куда ни шло: ее можно объяснить реалистической
тенденцией. Но поэзия? Откуда она, почему Сологуб мучит и волнует сердца,
как своенравный чародей? Опять вспомним Сократа. Сологуб - оракул. Его
проза не реализм, а одурающие пары, его поэзия, как ответы Пифии - вечная и
мучительная загадка. В ней есть дивная музыка, смысла которой ни ему, ни
его читателям разгадать не дано.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!